

Солдаты, стоявшие на посту, уставшие за день, увидев длинную очередь, невольно расслабились. Когда очередь дошла до Улэйжо, они увидели, что он и его спутник ведут себя спокойно и скромно, а на повозке не так уж много вещей — лишь несколько шкур соболя и лисицы. Улэйжо услужливо подарил солдату две отборные шкуры, и тот отпустил их. Когда они уже собирались покинуть заставу, сзади вдруг раздался крик:

— Пойдите!

Улэйжо незаметно нащупал кинжал, спрятанный в шкурах. Высокий офицер ещё раз проверил документы Красавца и с подозрением спросил:

— Почему у твоей жены такой большой живот?

Улэйжо нервно дёрнулся в уголке рта:

— Моя жена беременна.

Офицеры особенно внимательно проверяли мужчин-кочевников и детей. Этот офицер, увидев, как Красавец смотрит испуганно, не мог не усомниться:

— Правда беременна?

Улэйжо слегка рассердился:

— Конечно, правда!

Офицер усмехнулся, обращаясь к Красавцу:

— Сними одежду, покажи нам.

Офицер, видимо, совсем потерял голову, раз заподозрил, что под одеждой Красавца кто-то спрятан. Улэйжо яростно оттолкнул его, и из него чуть не вырвалась вся его злость. Офицер сразу же вспылал, выхватил меч и закричал:

— Что ты делаешь!

Солдаты тут же окружили их. Красавец, дрожа от страха, прижался к своему «мужу» и тихо позвал:

— Чаган...

Улэйжо бросил на него сердитый взгляд, давая понять, чтобы он молчал. Улэйжо был на грани, казалось, он готов был в любой момент броситься в бой. Другие офицеры, видя, что он ничего плохого не сделал, лишь защищал свою жену, похлопали высокого офицера по плечу:

— Ладно, ладно.

Высокий офицер всё ещё был недоволен, злобно потрогал живот Красавца, чтобы убедиться в правдивости. Красавец вскрикнул, Улэйжо чуть не вступил в драку, но другие офицеры удержали его, и всё обошлось.

После этого небольшого инцидента они наконец покинули заставу. По дороге Улэйжо был крайне недоволен, Красавец боялся его, но чувствовал себя обиженным, с грустью поглаживая свой живот. Малыш внутри слабо пошевелился, и Красавец с радостью сказал:

— Чаган, как ты назовёшь нашего ребёнка?

Улэйжо нервно дёрнулся в уголке рта и неестественно отвёл взгляд. Красавец, словно говоря сам с собой, казалось, был расстроен, но вдруг, словно что-то вспомнив, сказал ему:

— Чаган, я хочу грушу.

В этой глуши, среди снегов, где взять грушу? Но Красавец, казалось, был крайне капризным, словно раньше часто ел их, и стал капризничать:

— Чаган, я хочу грушу.

Улэйжо снова закричал на него:

— Замолчи.

Он достал из повозки кусок вяленой говядины и дал ему. Красавец, жуя сухую говядину, с тоской вспоминал сочную грушу, и глаза его снова наполнились слезами.

К вечеру они добрались до границы государства Усунь, и Улэйжо стал ещё более осторожным. Они снова ночевали в глуши. Красавец, видя, как Улэйжо растапливает снег, с грустью сказал:

— Чаган, я хочу помыться.

С тех пор как он очнулся, он ни разу не мылся, и от него шёл неприятный запах. Утром Улэйжо намазал ему лицо и руки краской, приклеил звериную шерсть, и он чувствовал себя ещё грязнее. Он с раздражением почесал шею, словно там уже завелись блохи, и с капризами заявил:

— Я хочу помыться, я весь грязный.

Улэйжо снова начал злиться, считая его изнеженным. Здесь даже ведра не было, как можно помыться? К тому же на улице мороз, вода замёрзнет, не успев нагреться. Он просто пытался его успокоить.

Красавец продолжал капризничать. Улэйжо его игнорировал, сам вскипятил воду и сел у костра, затачивая кинжал, делая лезвие ещё острее. Красавец тоже рассердился, прыгнул с повозки и сам начал кипятить воду. Имея опыт, он, как обычно, использовал кусок шкуры, чтобы поднять железный котелок, и сделал всё как надо. Красавец вскипятил котелок воды, вылил её в глиняный горшок, добавил немного снега и начал умываться тряпкой. Улэйжо время от времени поглядывал на него, видя, как он вскипятил один котелок, потом другой, словно хотел вымыть всё тело.

Красавец совсем не считал его чужим. При нём расстегнул свою одежду и начал вытирать грудь горячей тряпкой. Улэйжо, увидев его белые, округлые груди, покраснел.

Улэйжо, смущённый, отвернулся, слыша за спиной шорох ткани, словно Красавец снял штаны и вытирал задницу. Его лицо покраснело до предела. Через полчаса Улэйжо уже засиделся, когда за спиной всё стихло. Он осторожно повернул голову и увидел, как Красавец завязывает одежду и с недовольством указывает ему:

— Чаган, моя одежда грязная, принеси мне другую.

Улэйжо не приготовил для него запасной одежды, и его лицо снова стало мрачным. Красавец,

видя, что он не двигается, тоже рассердился и с раздражением надел грязную одежду кочевников. Красавец снова вскипятил котелок воды. Улэйжо, видя, как он весь вечер устраивает сцены, раздражённо лёг на повозку, собираясь спать, как вдруг услышал крик Красавца:

— Эй, ты даже не умываешься?!

Улэйжо покраснел до ушей, вспомнив историю, ходившую при царском дворе о его отце. Когда его отец собирался лечь спать с Яньчжи, она с отвращением сказала:

— Ты даже не моешься?!

В степи не хватало воды, и хунну не могли часто мыться. Некоторые грубые мужчины даже не мыли руки и ноги, его отец был одним из них. Но после женитьбы на Яньчжи он мылся каждый день, обливаясь холодной водой, и весь двор смеялся над этим.

Улэйжо, смущённый, сел и увидел, как Красавец снова вскипятил воду, вылил её в горшок и вымыл тряпку. Красавец с раздражением подошёл к Улэйжо с горячей тряпкой и начал вытирать ему лицо. Улэйжо, вспомнив, что этой тряпкой Красавец только что вытирал своё тело, смущённо спрыгнул с повозки.

Красавец, увидев, как его «муж» убегает, с досадой закричал:

— Чаган, давай, умойся!!

Улэйжо хотелось зарыться в снег.

С тех пор как он один раз помылся вечером, Красавец каждый день требовал кипятить воду для умывания. Он пытался заставить «мужа» помочь ему, но Улэйжо, услышав, что нужно вытирать его тело, убегал быстрее зайца, возвращаясь только после того, как Красавец заканчивал. Красавец становился всё более недовольным. Его живот был большим, и наклоняться было трудно, не говоря уже о том, чтобы самому кипятить воду, носить её и умываться.

Он привык к тому, что во дворце его обслуживали, и считал, что «муж» должен заботиться о нём. Но Улэйжо никак не поддавался, вечером не обнимал его, и он начал подозревать, что у его мужа есть какие-то проблемы. Улэйжо теперь действительно его боялся. Вечером нужно было умываться, утром тоже. Если он не умывался, Красавец мог целый день ворчать. Его «жена» была крайне разговорчивой: то хотел есть то, то другое, то жаловался, что они каждый день ночуют в глуши, не находя гостиницы.

Улэйжо раздражался, но, чувствуя, что Красавец молчит и дуется, невольно чувствовал себя неловко. Красавец считал, что его «муж» совершенно не проявляет инициативы в интимных делах, даже избегает близости с ним, и становился всё более раздражительным. Его тело жаждало ласки, ему очень хотелось, чтобы мужчина утешил его. В степи он привык к тому, что его ласкал шаньюй. В ханском дворце он часто был с братом. Его тело почти всегда получало ласку. Но сейчас, даже если он мастурбировал перед Улэйжо, тот оставался равнодушным, и он чувствовал глубокое отвращение к себе.

Улэйжо стиснул зубы, слушая его стоны за спиной, и не знал, что делать. Он никогда не думал, что столкнётся с таким. Яньчжи его отца, его номинальная мать, как могла быть такой бесстыдной перед ним? Красавец не знал всего этого. Он был раскрепощённым и не обращал внимания на условности. Он расстегнул воротник, обнял Улэйжо, лаская его напряжённое

тело, тяжело дыша:

— Ммм... Чаган...

Улэйжо покраснел до предела, оттолкнул его руку и снова собрался уйти в снег. Красавец был в ярости. Воротник его одежды был широко расстёгнут, он сидел на повозке и кричал:

— Ты вообще мужчина?!

Улэйжо опустил голову, желая исчезнуть. Красавец, видя его жалкий вид, разозлился, застегнул воротник и с гневом крикнул:

— Трус!

В последние дни Красавец не раз ругал его разными словами. Неизвестно, откуда он их узнал. Улэйжо, видя, как он с раздражением лежит на повозке, обняв шкуру, тихо хныкал.

<http://bllate.org/book/16253/1462088>